

«ПУТЕШЕСТВИЕ» В КУЗЬКИНО: ИСТОРИЯ ДЕТЕЙ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ ИЗ ЮГОСЛАВИИ, ВЫВЕЗЕННЫХ В СССР ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

© Аблажей Наталья Николаевна – доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, 630090, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8; доцент Новосибирского национального исследовательского государственного университета, 630090, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2.

E-mail: ablazhey@academ.org. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9636-5271>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена истории репатриации в СССР детей русских эмигрантов из Югославии, вывезенных в СССР из немецкого города Аннаберга по решению правительства от 19 декабря 1945 г. и размещенных в детском доме № 25 с. Кузькино Куйбышевской области. Среди репатриированных оказалась группа бывших воспитанниц Харьковского девичьего института и их директриса, выпускница Смольного института М.А. Неклюдова. Вывоз детей в СССР вызвал коллективный протест со стороны группы русских эмигрантов, находившихся в лагере для перемещенных лиц американской зоны оккупации в Австрии, заявивших свои родительские права.

По материалам Управления при Совете Министров СССР Уполномоченного по делам репатриации реконструируются обстоятельства репатриации детей в СССР, условия их жизни в детском доме и мероприятия по подготовке вывоза детей в Австрию для передачи родителям – русским эмигрантам при посредничестве американской стороны.

Ключевые слова: Вторая мировая война, репатриация, эмигранты, дети, Югославия, Германия, СССР, Австрия, Куйбышевская область, Кузькино.

Цитирование. Аблажей Н.Н. «Путешествие» в Кузькино: история детей русских эмигрантов из Югославии, вывезенных в СССР после Второй мировой войны // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 2. С. 55–63. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-55-63>.

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-2-55-63
UDC 325.1+94(47)

Submitted: 18/II/2019
Accepted: 20/III/2019

N.N. Ablazhey

«JOURNEY» TO KUZKINO: A HISTORY OF THE CHILDREN OF RUSSIAN EMIGRANTS FROM YUGOSLAVIA REMOVED TO THE USSR AFTER THE WORLD WAR II

© Ablazhey Natalia Nikolaevna – Doctor of Historical Sciences, senior researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 8, Nikolaev Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; associate professor, Novosibirsk State University, 2, Pirogova Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation.
E-mail: ablazhey@academ.org. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9636-5271>

ABSTRACT

The article is devoted to the history of repatriation of the children of Russian emigrants from Yugoslavia, who were removed to the USSR from the German city of Annaberg by the decision of the government of December 19, 1945 and located in the orphanage № 25 in the village of Kuzkino, Kuibyshev region. Among the repatriated, there was a group of former students of the Kharkov Girl Institute and its director M.A. Neklyudova, a graduate of the Smolny Institute. The removal of children to the USSR caused a collective protest from a group of Russian emigrants who were in the camp for displaced persons of the American occupation zone in Austria, who claimed their parental rights.

Based on the materials from the Office of the Commissioner for Repatriation of the USSR Council of Ministers, the author reconstructs the circumstances of the children's repatriation, their living conditions in the orphanage and arrangements for preparing their removal to Austria for transfer to the parents – Russian emigrants that was done with the mediation of the American side.

Key words: World War II, repatriation, emigrants, children, Yugoslavia, Germany, USSR, Austria, Kuibyshev region, Kuzkino.

Citation. Ablazhey N.N. «Puteshestvie» v Kuz'kino: istoriya detei russkikh emigrantov iz Yugoslavii, vyvezennykh v SSSR posle Vtoroi mirovoi voyny [«Journey» to Kuzkino: a history of the children of Russian emigrants from Yugoslavia removed to the USSR after the World War II]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 2, pp. 55–63. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-55-63> [in Russian].

Введение

История с вывозом в СССР детей русских эмигрантов и их чудесным возвращением родителям стала известна после публикации в 2007 г. на одном из сайтов по истории белой эмиграции статьи протоиерея Флора Жолткевича, посвященной судьбе выпускницы Смольного института и директрисы Харьковского девичьего института Марии Александровны Неклюдовой, оказавшейся с группой воспитанников в 1946 г. в СССР [Жолткевич, сайт XXL3 (Л.Л. Лазутин)]. Материал вызвал отклик. В течение нескольких лет страничка пополнялась документами и свидетельствами, среди которых выделим статью самарского краеведа и журналиста В.Н. Казарина о Неклюдовой [Казарин], письма и воспоминания очевидцев [сайт XXL3 (Л.Л. Лазутин)], повествующие не только о ее судьбе, но и ее воспитанников, репатриированных и размещенных в детском доме в с. Кузькино Куйбышевской (ныне Самарской) области. Эта история нашла отражение на страницах блога жительницы села Зинаиды Горшениной [gorshenina.blogspot.com] и даже школьной газеты (Из истории села... 2013). В 2017 г. история детского дома № 25 освещалась в статье самарского исследователя А.И. Репинецкого [Репинецкий 2017, с. 178], который на материалах Куйбышевского облисполкома попытался реконструировать обстоятельства репатриации детей белоэмигрантов и их жизни в СССР, справедливо

отмечая, что документы облисполкома не позволили всесторонне осветить этот сюжет.

Результаты исследования

Восполнить хотя бы часть имеющихся пробелов позволяют материалы Управления при Совете Министров СССР Уполномоченного по делам репатриации (хотя и они не дают возможности восстановить все аспекты этой драматической и удивительной истории с вывозом в СССР и последующим возвращением родителям-белоэмигрантам их детей). Основываясь на имеющихся в нашем распоряжении источниках, попробуем понять, о каких детях идет речь и как они оказались в СССР.

В 1944 г. на фоне наступления Красной армии и сокращения зоны немецкой оккупации начинается массовое бегство на Запад. Среди беженцев оказались и русские эмигранты из Югославии. В годы войны Югославия находилась под оккупацией Германии, Венгрии, Болгарии и Италии. Самая крупная русская колония проживала в Сербии, оккупированной немцами, но находившейся под управлением коллаборационистского правительства. Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Югославия) было одним из центров белой эмиграции. Костяк колонии составляли остатки Русской армии генерала Врангеля и гражданское население, эмигрировавшее в ходе эвакуации из черноморских портов осенью 1920 г., по-

зднее — из сборных лагерей в Турции и Греции. Крупные русские общины находились в городах Белграде, Сремских Карловцах, Панчеве, Новом Саде, в области Воеводина. Именно на территорию Воеводина оказались эвакуированные русские учебные заведения, среди которых Николаевское кавалерийское училище, Крымский кадетский корпус, Мариинский Донской девичий институт и Харьковский девичий институт. Донской девичий институт разместился в городке Белая Церковь, Харьковский — в Нови-Бечей [Арсеньев 2010]. С лета 1920 г. финансирование русских кадетских корпусов и девичьих институтов осуществляло центральное правительство, сначала через Государственный комитет по приему и устройству русских беженцев, а затем — Державную (Государственную) комиссию по делам русских беженцев. В начале 1930-х гг. все русские учебные заведения испытывали материальные сложности в связи с прекращением финансирования.

История девичьих институтов в Югославии отражена крайне фрагментарно. Харьковский институт просуществовал как самостоятельное учреждение под руководством выпускницы Смольного института М.А. Неклюдовой до 1932 г. За годы эмиграции аттестат зрелости в нем получили 320 чел. Есть информация, что в 1932 г. Харьковский и Донской девичьи институты были объединены, получив новое название «Русский девичий институт имени императрицы Марии Федоровны». Институт, содержащийся в основном за счет пожертвований частных лиц и организаций, а также Красного Креста, был закрыт решением министра просвещения от 31 марта 1941 г. Институтки продолжили обучение в столице в Русско-сербской женской гимназии [Арсеньев 2010; Барковец 2010]. Бывшая директриса М.А. Неклюдова также переехала в Белград, где заведовала девичьим студенческим общежитием [Арсеньев 2010]. В период оккупации финансирование гимназии осуществлялось на немецкие средства. Контингент русских учебных заведений, в том числе интернатов, пополнялся детьми, чьи отцы ушли служить в Русский охранный корпус, укомплектованный преимущественно эмигрантами.

В сентябре-октябре 1944 г. немцы эвакуировали из Белграда семьи корпусников и выразивших желание уехать русских эмигрантов [Танин 2009], однако в связи с молниеносным наступлением Красной армии, поддержанной Народно-освободительной армией Югославии, эвакуацию провели спешно. К сожалению, мы не можем реконструировать маршрут перемещений учебных заведений из Югославии по Австрии и Германии. Ввиду того что англо-американские войска в Германии продвинулись значительно восточнее согласованных в Ялте линий разграничения, все лица, эвакуированные из Белграда, оказались в зоне оккупации союзников. Кто-то в ней и остался. Известно, что белградская русско-сербская гимназия продолжила свое функционирование в одном из беженских лагерей под Мюнхеном. Однако часть детей русских эмигрантов из Белграда оказалась существенно севернее, в Саксонии, в том числе в двух соседних

городах — Аннаберге и Визенбаде. Эти города освободили американцы, но 1 июля 1945 г., после корректировки оккупационных зон, в Саксонию вступили советские войска.

Советская сторона оперативно выяснила, что накануне ввода войск в Аннаберге размещались три русских приюта-интерната, в которых насчитывалось более 400 детей, вывезенных немцами из Югославии. Их возглавляли Софья Владимировна Крейтон, Мария Николаевна Глебова (по другим данным Грекова) и Мария Алексеевна Неклюдова. Скорее всего, на момент прихода Советской армии здесь оставалась только группа во главе с Неклюдовой (большинство эмигрантов, вероятно, успели покинуть Аннаберг вместе с американцами). Есть свидетельства, что Неклюдова какое-то время жила у родственников в Вене, но вернулась в интернат, категорически отказавшись «уехать от своих девочек» [сайт XXL3 (Л.Л. Лазутин)]. Так дети русских эмигрантов из Югославии оказались в ведении Советской военной администрации в Германии (СВАГ).

23 ноября 1945 г. начальник отдела репатриации при Штабе Советской военной администрации в Германии генерал-полковник В.В. Курасов представил Уполномоченному по делам репатриации при СНК СССР генералу Ф.И. Голикову список из 85 детей русских эмигрантов в возрасте от 4 до 17 лет, собранных в городах Аннаберг и Визенбад, и просил указаний об их устройстве. По заявлениям советской стороны, «дети были отставлены американцами в нашей зоне при отходе их войск без всяких документов» (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 281. Л. 253). Впоследствии указывалось, что «вывоз детей в СССР был спровоцирован... что наши органы в Группе советских войск в Германии были введены в заблуждение одной из женщин, якобы заявившей, что у детей нет родителей или где они — неизвестно». Между тем директивы от 18 января 1945 г. начальника тыла Красной армии и Управления СНК по делам репатриации № 1/1240645с и 1/1240646с предписывали обязательную репатриацию в СССР детей-сирот и направление их в детские дома и приюты системы Наркомпроса (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 2. Л. 44–49).

12 декабря 1945 г. Ф.И. Голиков обратился в ЦК ВКП(б), Совнарком и МИД по вопросу устройства детей русских эмигрантов и уже 19 декабря СНК СССР издал распоряжение № 18025 с грифом «секретно» за подписью В.М. Молотова, обязывающее «т. Голикова Ф.И. вывезти в Советский Союз детей русских эмигрантов, воспитывающихся в двух детских домах, находящихся в двух германских городах Аннаберг и Визенбад» (Информации о детях, собранных в другом городе — Визенбаде, мы не располагаем. — *Н.А.*). В кратчайший срок в правительство следовало представить предложения по устройству указанных детей в детских домах Советского Союза (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 56. Д. 169. Л. 158). 24 декабря 1945 г. было принято секретное распоряжение № 18312, которое предписывало «обязать Наркомпрос РСФСР (т. Потемкина) и Куйбышевский облисполком (т. Пузанова) организовать в январе 1946 г. в селе

Кузькино Новодевичевского района Куйбышевской области детский дом на 85 детей русских эмигрантов, вывозимых в Советский Союз из германских городов Аннаберг и Визенбад» (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 56. Д. 170. Л. 37). Место для размещения было выбрано не случайно: согласно распоряжению правительства от 22 августа 1945 г., в Кузькино планировалось создание специального детского дома на 100 мест.

Вывоз детей в СССР, скорее всего, был осуществлен в конце 1945 г. К этому времени было установлено, что дети далеко не сироты, у многих есть родители или родственники, которые находятся в американской зоне оккупации в Зальцбурге – в лагере ДиПи «Парш». Перед самым вывозом некоторые родители, преимущественно матери-сербки, имевшие пропуск от американцев, сумели добраться до Аннаберга и попытались забрать детей, но им отказали. Вывоз детей провели организованно, несмотря на «истерички матерей» (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 281. Л. 219).

Данные о количестве вывезенных детей расходятся, в разных источниках называются разные цифры: 76, 80, 83, 85. Согласно персональным спискам, составленным в конце апреля 1946 г., в детском доме находилось 83 ребенка, хотя дважды в них упоминалась одна из воспитанниц (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 281. Л. 221–225). Вместе с детьми в СССР выехало 15 взрослых. Скорее всего, в Кузькино Новодевичевского района (разъезд Бичевное Куйбышевской ж.д.) они прибыли в конце января – начале февраля 1946 г. Детей и взрослых разместили в здании заброшенной церкви, построенной еще в конце XVIII в. Так начал свою работу специальный детский дом № 25, который даже по бумагам иногда проходил как «детдом детей русских эмигрантов».

История вывезенных детей и их жизни в Кузькино получила широкую огласку благодаря активности их родителей. 10 апреля 1946 г. на имя Ф.И. Голикова поступило коллективное заявление от 34 русских эмигрантов, находящихся в Австрии, в американской зоне оккупации, где они называют себя родителями и просят вернуть вывезенных детей. В связи с этим обстоятельством зам. Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации К.Д. Голубев обращается в МИД к А.Я. Вышинскому с просьбой установить «по дипломатическим каналам» «факт родства, а также принадлежность заявителей к русским эмигрантам и к выяснению причин оставления детей родителями и союзными войсками при уходе их из городов Аннаберг и Визенбад» (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 280. Л. 94).

В конце апреля 1946 г. в детдом был командирован старший помощник начальника Отдела устройства Управления СМ СССР по делам репатриации майор В.И. Баранов. Целью его визита было провести опрос среди детей по поводу наличия у них родителей, а заодно и оценить условия их проживания. В ходе инспекции было установлено, что в детдоме содержится 83 ребенка, из которых мальчиков – 26, девочек – 57, в том числе до 7 лет – 6 чел., до 16-ти – 75 и старше 16-ти – 2 чел.

Далее приведем список детей:

1. Болотова Мария Ивановна, 1932 г. р., Белград.
2. Болотова Мария Ивановна, 1932 г. р., Старо-Пазово, Сербия.
3. Вдовкина Анна Николаевна, 1932 г. р.
4. Вдовкина Надежда Николаевна, 1930 г. р., Сараево.
5. Вигорет Юрий Владимирович 1939 г. р., Белград.
6. Витторф Валентина Анатольевна, 1930 г. р., Белград.
7. Власовская Галина Афанасьевна, 1928 г. р., Врање Сербия.
8. Волченко Елена Михайловна, 1930 г. р., Белград.
9. Воробьевский Анатолий, 1943 г. р.
10. Гайдуков Иван Васильевич, 1938 г. р.
11. Гайдуков Михаил Васильевич, 1939 г. р., Новый Сад, Сербия.
12. Гайдукова Анна Васильевна, 1940 г. р., Мориск, Сербия.
13. Глебова Татьяна Сергеевна, 1934 г. р., Загреб, Сербия.
14. Григорьев Андрей Павлович, 1933 г. р., Шабац, Югославия.
15. Денег Петр Логинович, 1935 г. р., Пожаревац, Сербия.
16. Дубченко Мария Александровна, 1931 г. р., Илок, Хорватия.
17. Дудко Александр Петрович, 1932 г. р., Шабац, Сербия.
18. Епифанцева Ольга Владимировна, 1931 г. р., Сербия.
19. Жадан Наталья Ивановна, 1938 г. р., Земун, Сербия.
20. Жарков Владимир Петрович, 1933 г. р., Босния, Югославия.
21. Жаркова Анастасия Васильевна, 1938 г. р., Смедерево, Сербия.
22. Жаркова Екатерина Васильевна, 1937 г. р., Смедерево, Сербия.
23. Иват Екатерина Градомировна, 1931 г. р., Соболица, Сербия.
24. Ищенко Зора Ивановна, 1933 г. р., Белград.
25. Ищенко Николай Иванович, 1935 г. р., Белград.
26. Каллаур Алла Ипполитовна, 1932 г. р., Имень, Польша.
27. Коломейцева Мария Александровна, 1935 г. р., Белград.
28. Костенко Ольга Емельяновна, 1935 г. р., Ниш, Сербия.
29. Кудриков Анатолий Васильевич, 1938 г. р., Шабац, Сербия.
30. Кудрикова Душанка Васильевна, 1935 г. р., Кролево, Сербия.
31. Кумашова Татьяна Григорьевна, 1931 г. р., Белград.
32. Леонтьев Любиш Александрович, 1934 г. р., Ниш, Сербия.
33. Леонтьева Венеслава Александровна, 1936 г. р., Ниш, Сербия.
34. Лях Борислава Григорьевна, 1932 г. р., Прокупле, Сербия.
35. Машногорская Наталия Дмитриевна, 1937 г. р., Кралево, Сербия.
36. Могила Галина Андреевна, 1936 г. р., Скопле, Сербия.
37. Могила Татьяна Андреевна, 1934 г. р., Скопле, Сербия.

38. Мошкина Ольга Николаевна, 1937 г. р., Вимы, Сербия.
39. Назаренко Наталия Андреевна 1937 г. р., Сербия.
40. Найда Анна Афанасьевна, 1938 г. р., Бобовичи, Сербия.
41. Найда Зара Афанасьевна, 1934 г. р., Босния.
42. Невохатный Евгений Валентинович, 1935 г. р., Сербия.
43. Неделько Иван Андреевич, 1932 г. р., Крушевич, Сербия.
44. Никитенко Ольга Алексеевна, 1938 г. р., Сербия.
45. Павлуновская Зинаида Борисовна, 1932 г. р., Бихач, Сербия.
46. Павлуновская Ксения Борисовна, 1935 г. р., Панчево, Сербия.
47. Павлуновский Михаил Борисович, 1938 г. р., Бихач, Сербия.
48. Пештов Павел Иванович, 1939 г. р., Белград.
49. Пилитюк Клавдия Николаевна, 1932 г. р., Чуприя, Сербия.
50. Попова Елена Васильевна, 1935 г. р., Белград.
51. Попова Юлия Васильевна, 1931 г. р., Белград.
52. Потопахина Жеванна Дмитриевна, 1938 г. р., Сербия.
53. Потопахина Лимона Дмитриевна, 1935 г. р., Обреновац, Сербия.
54. Ратай Надежда Григорьевна, 1938 г. р., Сербия.
55. Рикман София Горгиевна, 1932 г. р., Ковин, Сербия.
56. Рубан Пелагея Ивановна, 1929 г. р., Смедерово, Сербия.
57. Рудик Драгице Григорьевна, 1933 г. р., Боточина Сербия.
58. Рудик Милорад Григорьевич, 1937 г. р., Сербия.
59. Сабсай Андрей Григорьевич, 1938 г. р., Шабац, Сербия.
60. Сабсай Николай Григорьевич, 1934 г. р., Шабац, Сербия.
61. Саин Александр Савельевич, 1933 г. р., Сербия.
62. Семенов Михаил Васильевич, 1935 г. р., Панчево, Сербия.
63. Сукачева Ольга Игоревна, 1931 г. р., Цетин, Черногория.
64. Сукачева Тамара Игоревна, 1934 г. р., Цетин, Черногория.
65. Титов Петр Михайлович, 1938 г. р., Белград.
66. Толкачев Иван Тихонович, 1934 г. р.
67. Уколова Клавдия Степановна, 1938 г. Майданбег, Сербия.
68. Федорова Вера Михайловна, 1931 г. р., Сербия.
69. Федорова Надежда Михайловна, г. р. не ук., Сербия.
70. Хмара-Борщевская Ольга Петровна, 1931 г. р., Косовска-Митровица, Сербия.
71. Чекалов Павел Георгиевич, 1935 г. р., Панчево, Сербия.
72. Черкашин Александр Васильевич, 1934 г. р., Рудный Бор, Сербия.
73. Чернокнижникова Елена Алексеевна, 1936 г. р., г. Бела Црква (Белая Церковь), Сербия.
74. Черняков Андрей Григорьевич, 1939 г. р., Белград.
75. Черняков Николай Григорьевич, 1937 г. р.
76. Шат Александр Владимирович 1938 г. р., Субботица, Сербия.
77. Шат Мария Владимировна, 1935 г. р., Субботица, Сербия.
78. Швед Анатолий Исаакович, 1935 г. р., Одесса.
79. Шегенова Фатима Кареевна, 1935 г. р., Рудный Бор, Сербия.
80. Широа Анастасия, 1931 г. р.
81. Щербак Ксения Григорьевна, 1931 г. р., Смедеро, Сербия.
82. Якимова Ольга Павловна, 1932 г. р., Кула, Сербия.
83. Яковенко Мария Ивановна, 1932 г. р., Белград.

В целом Баранову удалось войти в доверие к детям. Вопросы о родителях касались как отцов, так и матерей, их наличия, имени и возраста, национальности, информации об их нахождении, совместном проживании родителей, наличии родственников или опекунов. Данные о рождении в основном вносились со слов, что вело к искажениям и русификации. Проведенный опрос показал, что их отцы являются: 79 – русскими эмигрантами и четверо – советскими гражданами. Дети были в основном из смешанных семей, когда отцы – русские эмигранты, а матери – сербки. Вероятно, вопрос о гражданстве прямо не ставился, но информация о родственниках в СССР и времени выезда из страны все-таки уточнялась. Задавались ли детям вопросы о службе отцов в Русском корпусе, сказать сложно, но Баранов отмечал, что «с 1941 года отцы этих детей состояли на службе в особом охранном корпусе, сформированном немцами» (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 281. Л. 218). Лишь в единичных случаях дети заявляли, что не знают местонахождения родителей, большинство же называли Зальцбург. Нахождение в интернате «дети объясняли желанием родителей дать образование на русском языке и, с другой стороны, материальными затруднениями» (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 281. Л. 218). В отчете 1-му заместителю уполномоченного правительства по делам репатриации советских граждан К.Д. Голубеву Баранов особо отметил подавленное и даже угнетенное состояние детей, причиной которого в первую очередь была разлука с родителями. По итогам посещения детдома было установлено, что «из 34 человек, подавших заявление о возврате детей, 28 человек действительно являются родителями части детей, находящихся в спеддетдоме № 25, 1 чел. – воспитателем и 5 человек, дети которых в доме не обнаружены» (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 281. Л. 219).

Особое внимание Баранова привлекли взрослые, прибывшие с детьми и оставленные «на первое время» как воспитатели и обслуживающий персонал при детдоме. В то время практиковалось, особенно во временных школах, работавших при сборно-пересыльных пунктах, оставлять педагогов из числа репатриантов, но только после соответствующей проверки, для обучения детей разных возрастов. Из 15 человек, прибывших в Кузькино, девять были эмигрантами, шестеро числились как советские граждане. На основании списков эмигрантами были: 1) Неклюдова Мария Алексеевна, 1877 г. р., числившаяся начальницей детского дома; 2) Витторф Анатолий Николаевич, 1881 г. р., зам. начальника детского дома; 3) Витторф Надежда

Георгиевна, 1894 г. р., воспитатель; 4) Левицкий Владимир Северинович, 1879 г. р., учитель; 5) Левицкая Мария Харисановна, 1885 г. р., воспитатель; 6) Федорова Анна Михайловна, 1906 г. р., прачка; 7) Дубченко Екатерина Дмитриевна, 1906 г. р., прачка; 8) Дубченко Александр Андреевич 1885 г. р., истопник; 9) Черняков Григорий Евгеньевич, 1909 г. р., воспитатель. Проходили как советские граждане: 1) Битнер Екатерина Генриховна, 1912 г. р., врач; 2) Лен Мария Исааковна, 1889 г. р., врач; 3) Лен Дмитрий Генрихович, 1928 г. р., сельско-хозяйственный рабочий; 4) Мотейко Вера Дмитриевна, 1925 г. р., кухарка; 5) Фомина Надежда Ильинична, 1922 г. р., воспитатель; 6) Пономаренко Анна Ал., 1929 г. р., уборщица.

В ходе бесед со взрослыми Баранову удалось воссоздать обстоятельства, при которых русскоязычные дети из разных уголков Сербии оказались в Аннаберге. Одновременно он сообщает о желании поскорее изолировать детей от этого «контрреволюционного элемента», который «даже при первом знакомстве не внушает доверия». «Неклюдова М.А., в прошлом классная дама Петроградского Смольного Института, Начальница Одесского Института благородных девиц; бывший полковник царской армии Витторф А.Н., служивший у немцев и носивший форму СС; врач Битнер Е.Г. – русская немка, в 1943 г. перешла с семьей на территорию Германии, была там врачом немецкого госпиталя»; «оставление этих людей на работе в детском доме... противоречит здравому смыслу» (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 280. Л. 187). Особо настаивал на «необходимости срочного освобождения специального детского дома от белоэмигрантов» председатель Куйбышевского облисполкома А.П. Бочкарев (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 280. Л. 172). Необходимо также заметить, что Управлением МВД по Куйбышевской области все прибывшие были взяты на спецучет.

По распоряжению Голикова в конце апреля в Австрию был командирован начальник санитарного отдела управления репатриации с целью проверки родительских прав у подавших заявление белоэмигрантов. Несмотря на настойчивые попытки командированного офицера получить пропуск от американского командования в лагерь «Парш» близ Зальцбурга, где находились родители детей, для их опроса, посетить лагерь так и не удалось. В связи с отказом в посещении лагеря советская сторона проинформировала американцев о нецелесообразности отправлять детей из Советского Союза «впредь до полного выяснения вопроса о родительских правах лиц, подавших указанное заявление». Эту позицию Голикова поддержал в очередной раз Вышинский как зам. главы МИДа в письме от 23 июня 1946 г.: «До полного выяснения родительских прав лиц, подавших заявление, не следует возвращать детей в Австрию» (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 280. Л. 172). Вместе с тем было рекомендовано поручить уполномоченному в Вене вместе с заведующим консульской частью Союзнической Комиссии выяснить на месте, действительно ли подавшие заявление лица являются родителями вывезенных детей.

В конце июня 1946 г. после серии переговоров американцы все-таки разрешили двум советским офицерам посетить лагерь русских беженцев «Парш», в котором оказались и лица, служившие в Русском охранном корпусе. Лагерь находился на окраине г. Зальцбурга, на конечной станции городского трамвая. Согласно договоренностям об «обязательной репатриации», весной и летом 1945 г. союзники активно способствовали репатриации в СССР советских граждан, более того, были случаи массовой выдачи белоэмигрантов, но с осени 1945 г. ситуация кардинально изменилась. Советские представители стали с трудом получать допуск в лагерь перемещенных лиц, расположенных в зоне ответственности союзников. Для лиц, оспаривавших советское гражданство и решивших остаться на Западе, именно американские лагеря считались предпочтительными. По итогам визита советских представителей в американский лагерь «Парш» было установлено, что в нем «действительно находятся родители 40 увезенных детей» (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 280. Л. 178). Родительские права они подтвердили документами. Еще у 11 детей в лагере находились дальние родственники или знакомые. Большинство обитателей лагеря стремились уехать и в итоге уехали в США, хотя лагерь окончательно прекратил свое существование только в начале 1960-х гг.

Пока выяснялся вопрос о наличии родителей у вывезенных в СССР детей и их родительских правах, ситуация в детдоме в Кузькино становилась все драматичнее. В детдоме сложилась крайне тяжелая ситуация со снабжением, и руководство Управления по делам репатриации, в частности сам Голиков, неоднократно обращалось к министру просвещения РСФСР А.Г. Калашникову, требуя принять экстренные меры по наведению «должного порядка в детдоме». Вплоть до лета 1946 г. детдом жил в основном за счет продуктов, отпущенных органами репатриации. Сложности со снабжением объяснялись тем, что детский дом находился в стадии становления, поэтому финансирование запаздывало. Первоначальная смета была утверждена в сумме 210 тыс. руб. из расчета на 49 детей. Объем финансирования дважды увеличивали, доведя его сначала до 304 тыс., а в июле – до 340 тыс. руб. Облисполком утверждал, что стоимость дето-дня для детдома идет по повышенному тарифу, вместо положенных 4 руб. 50 коп. выделяется 7 руб. 40 коп. По мнению местных властей, ситуацию усугубляло то, что в детдоме на довольствии находились, помимо 37 воспитанников в возрасте с 15 до 18 лет, также 15 прибывших с детьми взрослых, что финансированием не предусматривалось. Председателя Кубышевского облсовета Бочкарева раздражало то, что «особенное недовольство воспитанники и взрослые выражают качеством питания» (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 281. Л. 339). Для улучшения ситуации он требовал немедленно снять с довольствия всех взрослых и трудоустроить воспитанников, достигших 15 лет. В детдоме имело место и элементарное хищение продовольствия, первый директор М.И. Чуриков был снят с должности за бесхозяйственность;

было заведено уголовное дело против кладовщиков, подозреваемых в хищениях. В конце апреля Чурикова сменил С.М. Дубровенский, которого облоно характеризовало как одного «из лучших директоров детдомов области». Несмотря на повышенное внимание к детдому и заверения местных властей, ситуация продолжала усугубляться. Судя по письму воспитанниц от 6 июня 1946 г., написанному «от девочек детдома» В.И Баранову, они элементарно голодали. Приведем это письмо полностью, сохраняя стилистические, орфографические и пунктуационные особенности.

«Здравствуйте дорогой Владимир Иванович!

Мы собравшиеся здесь девочки детдома сообщаем Вам[,] что нам становится все хуже и хуже. Когда Вы были у нас Вы сказали чтобы нас кормили как следует, а после вашего отъезда нас 2–3 дня стали кормить лучше мы и молоко получать стали, а потом совсем плохо стали нас кормить. Девочки просят чтобы Вы как[-]нибудь устроили так чтобы нас вывезли в другое место и в лучший дом, потому что наш дом очень плохой. У нас есть одна прачка которая стирает на всех одна, мы ее очень жалеем и просим чтобы ее освободили от этой работы. Нам дали на обед водяной суп и картошку в мундире без ничего, и то по 3 штуки[,] а когда начался обед все говорили «голодные даже не почувствовали обед»! Мы очень просим[,] чтобы Вы как[-]нибудь устроили[,] чтобы мы все по скорее встретились с родными, потому что мы скучаем по родным. Наши девочки стали такими худыми и бледными, а кроме того нас все время гонят идти гулять, а если не хотим оставлять лежать целый день. Еще раз просим Вас, чтобы поскорее нашли родных. Наши вещи отбирают и отдают другим, вот например вчера привезли из другого города некоторые вещи которые были украдены. Мы Вас очень просим[,] чтобы Вы нам помогли насчет родных. А теперь до свидания шлем Вам горячий привет и крепко целуем Вас девочки детдома [.]

Ждем ответа как соловей лета [.]

Обратите внимание на подчеркнутые слова!» (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 281. Л. 286).

Комментируя жалобы воспитанниц детдома, Бочкарев писал в Управление по делам репатриации: «У девиц установившееся классово-чуждое нам мировоззрение и мораль, как и прибывшие с ними взрослые, они выражают недовольство условиями жизни в Кузькино. Многие девушки установили связь с заграницей, пишут туда жалобы, стремясь выехать в английскую зону оккупации» (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 281. Л. 339). Местные власти особо нервировало то обстоятельство, что, информируя о ситуации в детдоме, Управление писало не только в министерство просвещения, но и грозилось сделать «доклад Правительству».

Вопрос с обучением прибывших детей также не был решен. Детдомовцев, ранее обучавшихся в Югославии по дореволюционным программам, не решились отправить в сельскую школу. Выходом могло стать обучение в интернате, и в течение двух лет его обеспечивала пара воспитателей, в первую очередь Неклюдова. Местные власти именовали ее не иначе как «наша графиня», отмечая, что она «имеет огромное влияние на девушек детдома» [Репинецкий 2017, с. 180]. В СССР Неклюдова приехала уже в очень почтенном возрасте — 79 лет.

Неклюдова пыталась, как и в начале 1920-х гг., организовать при интернате кружок шитья и вышивания, чтобы девушки получили хоть какую-то специальность и заработок, но облоно категорически запретило создавать кружки для детдомовцев (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 281. Л. 339). Неклюдова одной из первых была снята с должности и оказалась без средств к существованию. Дети пытались ее прокормить за счет своего пропитания, констатируя, что «...наша графиня скоро умрет от голодовки, ей советская власть не дает кушать» [Репинецкий 2017, с. 181].

В первых числах июля в судьбе прибывших произошел очередной крутой поворот, который был связан с тем, что советские власти решили вернуть тех детей, чьи «родители потребовали их возвращения». Впервые эта позиция была сформулирована Голубевым в письме от 1 июля в МВД С.Е. Круглову, в МИД А.Я. Вышинскому и в Министерстве просвещения РСФСР А.Г. Калашникову (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 280. Л. 178). Аргументов было два. Первый: плохие «материально-бытовые условия в детдоме»; второй — не давать «дополнительных аргументов западной стороне» относительно политики СССР при проведении репатриации лиц, оспаривающих советское гражданство. При этом особо указывалось, что «необходимо перед отправкой детей в Австрию провести оздоровительные мероприятия и экипировку» (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 280. Л. 178). 17 июля 1946 г. заместитель министра иностранных дел С.А. Лозовский на запрос Голубева сообщил, что со своей стороны «МИД СССР не имеет возражений против возвращения в Австрию детей русских эмигрантов и поддерживает намеченные Вами мероприятия, связанные с их доставкой» (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 280. Л. 226). Позиция МИД устроила всех. Именно решение этого ведомства фигурирует в качестве основания к выезду из СССР, в то время как въезд санкционировало союзное правительство.

Подготовкой выезда детей занимался непосредственно начальник Отдела устройств возвращенных граждан СССР полковник Киселев и и.о. зам. уполномоченного Басилов. К 1 августа был разработан детальный «План по отправке детей русских эмигрантов из детского дома № 25 в Австрию», который утвердил лично Голиков. Он включал следующие мероприятия:

«1. Отправку детей со ст. Бичевное Куйбышевской ж.д. произвести 25 августа 1946 г.

2. Подготовить письмо председателю СМ РСФСР т. Радионову:

а) Об обеспечении отправки Куйбышевским облисполкомом;

б) Выделении авто-гужевого транспорта для перевозки детей и имущества к станции погрузки;

в) Обеспечение питанием на весь путь следования не менее 6 недель;

г) Выделение квалифицированных людей сопровождения — воспитательниц 6 чел. и врача с медикаментами;

д) О командировании представителя Министерства просвещения РСФСР для подготовки к отправки детей.

3. Заявку на вагоны для перевозки детей и имущества представляет Управление уполномоченного по делам репатриации 2 классных вагона, 2 крытых вагона (под кухню и имущество, холодильник) от станции Бичевное Куйбышевской ж.д. до ст. Санкт-Валентин (Австрия) лагерь № 300.

4. Поставить в известность начальника Отдела по репатриации в Австрии т. Старова о предстоящем прибытии и передаче детей русских эмигрантов родителям в Американскую зону.

5. Поставить в известность Министерство Государственной Безопасности о проведении данного мероприятия.

6. Командировать представителя Управления для наблюдения и оказания помощи в отправке детей.

7. Отpravку детей американскому командованию производит Начальник лагеря № 300 по акту» (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 281. Л. 103–104).

Первоначально речь шла о 40 детях (26 девочек и 14 мальчиков, 33 из которых были в возрасте от 8 до 14 лет). До даты отправки оставалось меньше месяца, и за это время детей предстояло «откормить и экипировать», поскольку, по мнению репатриационных служб, «отправлять их в таком виде нельзя». Чтобы обеспечить выезжающих бельем, обувью и одеждой, Управление запросило информацию о детях с разбивкой по возрасту и полу (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 281. Л. 325). Так как рассчитывать на усиленное питание в детдоме не приходилось, расчет был сделан на то, что дети будут нормально питаться в течение шестинедельного переезда.

Следуя предписаниям, в Куйбышев выехал представитель Управления по делам репатриации майор Ф.Ф. Шершун, назначенный «старшим за операцию», сначала в СССР, а потом в Австрии, чтобы совместно с облысполкомом организовать «отpravку детей». Вывоз детей провели строго по графику: 25 августа 1946 г. к эшелону № 50717 были подцеплены один классный и два крытых вагона. 36 детей сопровождали 8 человек (воспитатели, врач, няня и повар). Маршрут следования эшелона по СССР: Пенза – Алексеевка – Валуйки – Ромодан – Фастов – Гусятин – Сигет (на границе с Румынией), далее перегрузка в связи со сменой колесных пар. Однако маршрут был по каким-то причинам изменен и выезжали через Польшу.

Во время следования эшелона произошел инцидент. По прибытии эшелона на пограничную ст. Ягодин Ковельской ж.д. начальник станции посчитал, что документы выезжающих «не оформлены должным образом», и потребовал «в грубой форме» «освободить вагоны», что привело к тому, что дети должны были покинуть эшелон и провести какое-то время под дождем. Этот случай вызвал недовольство, а Управление в очередной раз было вынуждено констатировать, что «подобные факты» дискредитируют советскую сторону и сыграть «на руку лицам, ведущим антисоветскую пропаганду» (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 281. Л. 178). Между тем еще 22 августа 1946 г. начальнику пограничных войск МВД СССР генерал-лейтенанту Петрову были даны указания организовать про-

пуск детей и лиц их сопровождающих (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 281. Л. 100).

До места назначения – лагеря № 300 – группа добралась к середине октября. 17 октября 1946 г. из лагеря дети были направлены в Зальцбург и в присутствии американского представителя переданы непосредственно родителям, о чем составлены советующие акты (которые к сожалению не сохранились. – *Н.А.*). При передаче детей отмечалось, что все дети «здоровы и одеты по сезону». Большинство родителей на актах приема сделали надписи о благодарности правительству СССР, советскому народу и лично товарищу Сталину за проявленную заботу о детях и их возвращение (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 281. Л. 182).

Что стало с оставшимися в детдоме 46 детьми? В конце сентября 1946 г. детский дом в Кузькино вновь посетили с инспекцией представители Управления по делам репатриации. Особых изменений они не увидели и в отчете констатировали: «Основное помещение детдома, бывшая церковь, полуразрушена и не отвечает потребностям культурного размещения. Воспитатели имеют слабую педагогическую квалификацию или совсем ее не имеют. Снабжение продуктами питания весьма слабое, подчас дети полуголодны. Не откомандированы до сего времени воспитатели – бывшие эмигранты, которые отрицательно влияют на детей» (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 281. Л. 57). По итогам инспекции Киселев предложил Министерству просвещения РСФСР перевести оставшихся детей в «другой детский дом с более благоприятной обстановкой, а также оградить детей от влияния бывших эмигрантов» (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 281. Л. 57). Забота о детях объяснялась тем, что не исключалась возможность того, что «у части оставшихся детей найдутся родители и их также придется направлять за границу» (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 281. Л. 57). 25 декабря 1946 г. все дети были отправлены в детские дома г. Сызрани Куйбышевской области. Есть упоминание, что еще 26 детей впоследствии выбыли за границу [gorshenina.blogspot.com]. В начале 1947 г. Кузькинский детский дом пополнился новыми воспитанниками. Неклюдова умерла в Кузькино в 1948 г., где ее и похоронили.

Заключение

Были ли дети русских эмигрантов из Югославии еще одной «жертвой Ялты», как иногда образно называют тех, кто оказался принудительно репатрирован в СССР, – это трудный вопрос. Основная работа советских органов репатриации по возвращению перемещенного населения проведена в кратчайшие сроки, фактически в течение 1945–1946 гг. Факт наличия в руках союзников большого количества советских граждан не мог не беспокоить советское руководство, и, осуществляя массовую репатриацию, оно преследовало две основные цели: первая, экономическая – вернуть в СССР трудоспособных людей, особенно необходимых в условиях послевоенной разрухи; вторая, политическая – предотвратить формирование за

рубежом новой эмиграции, оппозиционной советской власти. Западные союзники, со своей стороны, первоначально придерживались ялтинских договоренностей, в основе которых лежал принцип обязательной репатриации по принципу гражданства, более того, имели место случаи выдачи советской стороне русских эмигрантов. Потом к этому вопросу стали подходить более вариативно, все чаще отказывая в выдаче советским властям тех, кто оспаривал принадлежность к СССР. Желая вернуть максимально возможное число советских граждан из западных зон оккупации Европы, советская сторона иногда была готова пойти на проявление милосердия и гуманизм, например в виде единичного случая возвращения родителям-белоземлякам их детей, вывезенных в Советский Союз.

Библиографический список

- Арсеньев 2010 – *Арсеньев А.* Русские учебные заведения в Сербии [Электронный ресурс] // Новый Журнал. 2010. № 259. URL: <http://white-idea.livejournal.com/81022.html> (дата обращения: 10.09.2018).
- Барковец 2010 – *Барковец П.* Российские кадетские корпуса в Сербии. 1920–1944 [Электронный ресурс] // Новый Журнал. 2010. № 259. URL: <http://www.zh-zal.ru/nj/2010/259/ba26.html> (дата обращения: 10.09.2018).
- Жолткевич – Жолткевич Ф. Мария Алексеевна Неклюдова [Электронный ресурс]. URL: <http://xxl3.ru/kadeti/nekludova.htm2> (XXL3 – Л.Л. Лазутин) (дата обращения: 10.09.2018).
- Из воспоминаний... – *Из воспоминаний Ксении Михайловны Антич (Миллер)* [Электронный ресурс]. URL: <http://xxl3.ru/kadeti/nekludova.htm2> (XXL3 – Л.Л. Лазутин) (дата обращения: 10.09.2018).
- Из истории села... 2013 – *Из истории села... Село Кузькино – приют последней начальницы Смольного института М.А. Неклют(д)иной* // Школьный вестник. 2013. 23 марта. Вып. 3.
- История детского дома № 25 – *История детского дома № 25* [Электронный ресурс]. URL: <http://gorshenina.blogspot.com> (дата обращения: 10.09.2018).
- Казарин – *Казарин В.Н.* Село Кузькино – приют последней начальницы Смольного института М.А. Неклют(д)иной [Электронный ресурс]. URL: <http://xxl3.ru/kadeti/nekludova.htm2> (XXL3 – Л.Л. Лазутин) (дата обращения: 10.09.2018).
- Репинецкий 2017 – *Репинецкий А.И.* Из истории одного детского дома // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 178–182. URL: <http://biosamara.ru/const/snv/numbers/snv19.pdf>.
- Tanin 2009 – Tanin S.Yu.* Русский Белград [Электронный ресурс]. М.: Издательский дом «Вече», 2009. 304 с. URL: <http://history.wikireading.ru/291028> (дата обращения: 10.09.2018).
- References**
- Arseniev 2010 – Arseniev A.* Russkie uchebnye zavedeniya v Serbii [Russian educational institutions in Serbia]. *Novyi Zhurnal [The New Review]*, 2010, no. 259. Available at: <http://white-idea.livejournal.com/81022.html> (accessed 10.09.2018) [in Russian].
- Barkovec 2010 – Barkovec P.* Rossiiskie kadetskie korpusa v Serbii. 1920–1944 [Russian cadet corps in Serbia. 1920–1944]. *Novyi Zhurnal [The New Review]*, 2010, no. 259. Available at: <http://www.zh-zal.ru/nj/2010/259/ba26.html> (accessed 10.09.2018) [in Russian].
- Zholtkevich – Zholtkevich F.* Mariya Alekseevna Neklyudova [Maria Alekseevna Neklyudova]. Available at: <http://xxl3.ru/kadeti/nekludova.htm2> (XXL3 – L.L. Lazutin) (accessed 10.09.2018) [in Russian].
- Iz vospominanii... – Iz vospominanii Ksenii Mikhailovny Antich (Miller)* [From the memories of Ksenia Mikhailovna Antich (Miller)]. Available at: <http://xxl3.ru/kadeti/nekludova.htm2> (XXL3 – L.L. Lazutin) (accessed 10.09.2018) [in Russian].
- Iz istorii sela... 2013 – Iz istorii sela... Selo Kuz'kino – priyut poslednei nachal'nitsy Smol'nogo instituta M.A. Neklyut(d)inoi* [From the history of the village... The village of Kuzkino – home of the last chief of the Smolny Institute M.A. Neklyudina]. *Shkol'nyi vestnik [School messenger]*, 2013, March 23, Issue 3 [in Russian].
- Istoriya detskogo doma № 25 – Istoriya detskogo doma № 25* [The history of the orphanage № 25]. Available at: <http://gorshenina.blogspot.com> (accessed 10.09.2018) [in Russian].
- Kazarin – Kazarin V.N.* Selo Kuz'kino – priyut poslednei nachal'nitsy Smol'nogo instituta M.A. Neklyut(d)inoi [The village of Kuzkino – the orphanage of the last head of the Smolny Institut M.A. Neklyudina]. Available at: <http://xxl3.ru/kadeti/nekludova.htm2> (XXL3 – L.L. Lazutin) (accessed 10.09.2018) [in Russian].
- Repinetskii 2017 – Repinetskii A.I.* Iz istorii odnogo detskogo doma [From the history of one orphanage]. *Samarskii nauchnyi vestnik [Samara Journal of Science]*, 2017, Vol. 6, no. 2(19), pp. 178–182. Available at: <http://biosamara.ru/const/snv/numbers/snv19.pdf> [in Russian].
- Tanin 2009 – Tanin S.Yu.* Russkii Belgrad [Russian Belgrade]. М.: Izdatel'skii dom «Veche», 2009, 304 p. Available at: <http://history.wikireading.ru/291028> (accessed 10.09.2018) [in Russian].